

Кто первый лезет, тот и виноват

Гнев и досада быстро сменились глухой тревогой. Фу Цзяньси раздражённо поморщился и, засунув руки в карманы, принялся нервно перебирать пальцами какую-то мелочь. Вытащив руку, он обнаружил на ладони чупа-чупс Дацзяня.

«Этот придурок точно опять без спросу нацепил мои штаны. И какой прок глушить тягу к курению леденцами?!»

Он содрал обёртку и сунул конфету в рот, лениво перекатывая её за щекой. Негромкий стук карамели о зубы, казалось, вывел «улитку» Фан Юя из оцепенения — тот наконец зашевелился.

Цзяньси сам не понял, почему вдруг облегчённо выдохнул. Живой, слава богу.

— В больницу надо? — спросил Цзяньси, глядя на то, как Фан Юй пытается подняться.

Тот с явным трудом, расходуя остатки сил, перекатился и прислонился спиной к каменному парапету. Каждое движение было мучительно медленным, словно у заевшего робота.

Цзяньси раздражённо закатил глаза и отвернулся.

— Сам виноват, — бросил он, а затем резко развернулся и уставился на Фан Юя в упор. — Нечего было первому лезть. Получил за дело, так что без обид.

— Меня тут чуть не угробили, а ты стоишь и преспокойно конфету сосёшь? — Фан Юй со стоном указал пальцем на торчащую изо рта Цзяньси пластиковую палочку.

— Скажи спасибо, что я не купил связку петард тысяч на пять выстрелов и не развесил её на ветках в твою честь, — съязвил Цзяньси. Он картинно обвёл рукой ровный ряд деревьев у дороги. — Разреши нам администрация парка, я бы на каждом стволе по гирлянде бахнул.

— Ха-ха... кха... ай, сука, больно! — Фан Юй не выдержал и рассмеялся, но тут же скрючился, схватившись за бок. Боль была адской. Он всерьёз засомневался: уж не сломал ли ему этот бешеный мальчишка рёбра?

— Так тебе и надо! Кто первый нарывается, тот всегда огребает, — Цзяньси вызывающе качнул палочкой от леденца. На его лице так и читалось: «Хочешь добавки? Только пикни».

— Ладно, на сегодня хватит... — Фан Юй кое-как приподнял ладонь. — Как заживёт — повторим.

— Повторим?! — Цзяньси вытаращился на него, изумлённо подняв брови. — Дядя, ты бессмертный? Я же в следующий раз себя не сдержу и реально тебя пришибу.

— Повторим. Обязательно, — Фан Юй поднял голову. Он перестал улыбаться. Он смотрел на Цзяньси предельно серьёзно, словно речь шла о вопросе жизни и смерти. — Буду приходить до тех пор, пока ты ко мне не привыкнешь.

— Знаешь что, почтенный, — Цзяньси вытащил конфету изо рта и наклонил голову. Он неторопливо слизнул каплю сиропа с губы, после чего снова уставился на собеседника. — Давай начистоту. По поводу твоего «пока не привыкнешь»... Ты реально не боишься, что я пришибу тебя задолго до того, как этот светлый миг настанет? Нет, серьёзно, откуда в тебе эта тяга к самоистязанию? Это у всех старых извращенцев встроенный навык бесстыдства?

Договорив, он отправил леденец обратно за щеку.

Фан Юй заворожённо наблюдал за каждым его жестом. Боль вдруг отступила на второй план. Внутри вспыхнуло дикое желание снова рвануться к нему, сгрести в охапку и как следует искусать его губы. Наглая, беспардонная мысль.

И стоило ей зародиться, как плотину прорвало. Фантазии — одна грязнее и горячее другой, в самом сочном ультра-высоком разрешении — хлынули в его сознание нескончаемым потоком, забивая разум гигабайтами откровенной пошлятины.

— Слышь, боец... Я же вроде в живот бил, почему у тебя процессор завис и дар речи пропал? Ты мне тут сцену «жертва насилия» не устраивай, компенсацию выбивать бесполезно, — Цзяньси смерил застывшего Фан Юя презрительным взглядом, окончательно потеряв терпение. — Ладно, любуйся ночным городом дальше, а мне работать пора. Не скучай.

Он резко развернулся и зашагал прочь, оставив Фан Юя наедине с его неприличными мыслями.

«Ночь прекрасна, пусть чертовски опасна... Кто-то снова не спит, наплевав на круги под глазами...»

Фан Юй опомнился, уловив доносившийся издали мотив. Он не выдержал и снова тихо рассмеялся. Согнувшись пополам и уткнувшись взглядом в землю, он хохотал так, что в теле заныла каждая мышца.

Цзяньси пел это специально для него.

Ушёл, но не разозлился по-настоящему — для Фан Юя это стало потрясающим сюрпризом. Подумаешь, получил один раз под дых. Зато впереди его, возможно, ждут второй удар, третий... пятидесятый. Ради такого невероятно красивого и дикого парня, как Фу Цзяньси,

можно стерпеть любые туманы и любые издевки. Это ведь отличная плата за его внимание.

Всё складывалось как нельзя лучше. По крайней мере, они не разругались окончательно.

Фан Юй медленно поплёлся к ресторану и с величайшей осторожностью вскарабкался в салон своей машины. Из-за нелепой скованности в движениях он чувствовал себя скорее глубоко беременным, нежели просто побитым.

Заведя мотор, он вспомнил песню, которую напевал Цзяньси. Достал телефон, открыл поисковик и вбил в строку поиска: «Ночь прекрасна пусть чертовски опасна кто-то снова не спит».

Запустил трек.

Внедорожник мягко тронулся, выезжая на шоссе и вливаясь в плотный вечерний поток.

За окном хрипло ревел мегаполис. В салоне же пульсировал дерзкий, будоражащий ритм.

«Моя королева, я заберу всю твою красоту...»

Фан Юй ехал, и глупая улыбка ещё долго не сходила с его лица.

В голове крутились воспоминания о сегодняшнем вечере: мимолётные улыбки Цзяньси, его полные вызова взгляды. Это было невероятно притягательно.

Влюблённость была настоящей. Да и боль в рёбрах — тоже.

Музыка на мгновение притихла, уступив место короткому сигналу уведомления, и заиграла вновь.

Фан Юй скользнул взглядом по экрану. Он мгновенно окаменел, а улыбка исчезла.

[Фан Цинь: Я вернулся, жду у тебя на квартире...]

На заблокированном дисплее высветилась лишь часть сообщения.

Фан Юй припарковал машину у дверей частной клиники неподалёку от своего жилого комплекса. Было уже около восьми вечера, но дежурный врач ещё принимал. Переступив порог, он махнул рукой подбежавшей медсестре, показывая, что обойдёт без регистратуры, и сразу направился к кабинету в самом конце коридора. Негромко постучал и, дождавшись ответа, толкнул дверь.

— Какими судьбами на ночь глядя? — мужчина за столом поднял голову, и на его благородном лице отразилось лёгкое удивление.

Доктор Линь Юй носил безоправные очки и выглядел настолько безупречно аккуратным, будто его только что достали из стерилизатора.

Фан Юй подошёл к нему, молча задрал футболку до самых рёбер и показал на багровеющий след.

— Посмотри, пожалуйста. Дышать больно. Скелет вообще цел?

— Хм, а удар-то поставлен профессионально, — хладнокровно заметил доктор.

Сквозь стёкла очков он окинул оценивающим взглядом напряжённое лицо Фан Юя, а затем перевёл взор на наливающийся багрово-синим цветом бок. Сведя пальцы вместе, Линь Юй аккуратно прощупал края ушиба.

— Больно?

— Да терпимо вроде... Ой! Ссс! — Фан Юй судорожно втянул воздух сквозь зубы и посмотрел на пальцы врача. — Вот тут прямо режет.

Линь Юй надавил чуть сильнее.

— Всё цело, перелома нет, — резюмировал он и откинулся на спинку кресла. — Обработаем мазью. Если совсем немоготу — наложим фиксирующую повязку. И забудь про спорт недели на две. Любые резкие движения будут отдаваться болью, тут наверняка сильный ушиб хрящевых тканей. Завтра всё же доедь до больницы и сделай снимок.

Доктор поднялся, приоткрыл дверь и негромко отдал распоряжение дежурившей в коридоре медсестре. Вернувшись, он указал на покрытую чистой простынёй кушетку:

— Присаживайся туда.

Фан Юй замолчал, погрузившись в несвойственную ему задумчивость.

Когда Цзяньси уходил, в его взгляде не чувствовалось враждебности. Но удар... удар он нанёс профессионально и безжалостно, не заботясь о последствиях. И самое неприятное — парень явно не выносил посягательств на личное пространство.

Неужели он просчитался? Вдруг мальчишка вообще натурал?

От этой мысли заныли уже не рёбра, а где-то глубоко в груди. Окрылённое настроение, с которым он ехал в машине под громкую музыку, мигом улетучилось, сменившись беспокойством.

— Тупик, — бесцветным голосом обронил Фан Юй, уставившись в белую стену.

— Тебя отделали так, что живого места нет, а на лице — экзистенциальный кризис, — хмыкнул Линь Юй, наблюдая за его понурым профилем.

— Доктор Линь, тебе иногда надо подрабатывать ясновидящим, — Фан Юй даже не повернул головы. — Вот именно. Почему вместо ясности у меня в башке один туман?

— Да какая там консультация, до отношений нам ещё как пешком до луны. Так, классический случай неудавшегося подката и зашкаливающего упрямства, — Фан Юй вымученно улыбнулся пустоте перед собой.

— Не верю, — Линь Юй скользнул по нему прохладным взглядом, и он едва заметно усмехнулся. — Обычно в роли безответно влюблённых выступают те, кто безуспешно пытается добиться твоего расположения.

В кабинет бесшумно скользнула медсестра в бледно-розовом медицинском костюме, неся лоток с медикаментами. Началась привычная процедура: дезинфекция, обезболивание... Кожу поочерёдно обработали какими-то растворами, после чего стянули рёбра плотным слоем эластичного бинта.

Когда всё было кончено, Фан Юй опустил измятую футболку и, даже не заботясь о том, как выглядит, коротко бросил:

— Бывай.

И вышел вон.

Спустившись на подземную парковку своего дома, Фан Юй заглушил мотор, но выходить не спешил. Он внимательно оглядел соседние парковочные места — ни машины брата Фан Циня,

ни автомобиля дяди Фан Боцуня видно не было.

Фан Юй раздражённо прижал язык к щеке, подержал секунду и медленно выдохнул. Напряжение в плечах немного спало. Он открыл дверь, вышел из машины и направился к лифтовому холлу.

Вчера, во время его короткого визита на Виллу Западных гор, дядя Фан Боцунь упомянул, что Фан Цинь возвращается в Китай сегодня вечером. Но Фан Юй уже давно усвоил железное правило: если его не зовут — он не навязывается. К тому же сейчас, когда его собственная жизнь наконец-то обрела чёткие перспективы, глупо было бы делать шаг назад. Сделай он это, Дин Лэнин и Мэй Цзюнь первыми оторвали бы ему голову. Да и сам он не был идиотом, не способным отличить белое от чёрного.

Многолетняя привычка быть рядом. Болезненная привязанность. Необходимость выживать вдвоём. Кому-то такое объяснение показалось бы натянутым, но более точных слов для их связи не существовало. И Фан Юй, при всей своей привычке казаться циником, никогда не скатывался до самообмана.

Ключ дважды повернулся в замке. Дверь отворилась. Не заметив никого в прихожей, Фан Юй негромко позвал:

— Брат.

— Вернулся наконец, — донёсся мягкий голос из глубины квартиры.

Фан Цинь стоял у панорамного окна гостиной, созерцая ночной город. Услышав шаги, он полуобернулся, но остался стоять на месте.

— Во сколько прилетел? — Фан Юй внимательно посмотрел на брата.

Чёрная шёлковая рубашка, светлые брюки, безупречный крой которых подчёркивал его худобу. Высокий, подтянутый Фан Цинь держался прямо, но за этой осанкой угадывалась глубокая слабость.

— Тебе бы лучше отдохнуть дома с дороги. Я бы сам завтра приехал, — Фан Юй отвёл взгляд и потянулся к полке за домашней обувью.

— Соскучился. Захотелось увидеть тебя, — Фан Цинь проигнорировал вопрос о времени. Голос его звучал тихо и надтреснуто, но интонация оставалась обезоруживающе мягкой.

Пальцы Фан Юя, сжимавшие обувь, на миг напряглись. Он быстро переобулся и прошёл на кухню. Спустя минуту он вернулся со стаканом тёплой воды, поставил его на журнальный столик и выпрямился. Его взгляд смягчился.

— Дядя Фан рассказывал... Твоё здоровье сейчас не в лучшем состоянии, так что не забивай себе голову всякой ерундой. И не забывай, у тебя есть Фан Ци, ему нужна твоя забота.

Фан Цинь горько усмехнулся и отвернулся. Несколько минут они стояли молча, разделённые парой метров пустого пространства гостинной.

Когда Фан Цинь снова повернул голову, его взгляд прояснился. Он тихо произнёс, глядя на точёный профиль Фан Юя:

— Если бы не Фан Ци, возможно, я бы обрёл свободу гораздо раньше.

— Брат, хватит об этом, — Фан Юй встретился с ним взглядом. На измученном лице Фан Циня читалась отчаянная, почти детская надежда. — Садись.

В этот момент Фан Юй почувствовал, как к горлу подкатывает глухая жалость.

Человек, с которым они плечом к плечу прошли через двадцать один год жизни. Они знали друг друга наизусть. Малейший жест, поворот головы, вздох — им не нужны были слова, чтобы понять, о чём думает другой. И все эти годы были для них обоих по-настоящему счастливыми, наполненными бесценными воспоминаниями. Но когда именно эта чистая семейная привязанность начала превращаться во что-то иное, душное и неестественное, определить было уже невозможно.

Они сели напротив друг друга. Разговор шёл натянуто: сначала обсудили подробности лечения Фан Циня за границей, затем коснулись юридических тонкостей раздела имущества после его развода с Су Сяолань. Оба интуитивно нащупали безопасную дистанцию и не заступали за неё, избегая неловких тем.

Через полчаса стало очевидно, что Фан Цинь не собирается возвращаться на Виллу Западных гор самостоятельно. На улице так и не появились ни его машина, ни сопровождающие.

— Поехали, брат, я отвезу тебя обратно, — мягко прервал затянувшуюся паузу Фан Юй.

— М-м? — Фан Цинь, до этого сидевший опустив голову, медленно поднял взгляд, словно переспрашивая.

Фан Юй не стал повторять предложение, лишь спокойно и открыто улыбнулся.

Фан Цинь поднялся с дивана. На его лице снова появилось привычное невозмутимое выражение.

— Хорошо.

Они вышли из подъезда друг за другом и в полном молчании сели в машину.

В прошлом такие поездки были обычным делом. Им не требовалось заполнять эфир пустой болтовнёй — достаточно было просто находиться рядом. Но теперь Фан Юй кожей чувствовал нарастающее напряжение. Эта тишина больше не приносила покоя, она давила на плечи, хотя он и сам не мог бы объяснить, что именно изменилось.

Когда внедорожник свернул к жилому комплексу, где находится Вилла Западных гор, Фан Цинь, до этого полулежавший на сиденье с закрытыми глазами, повернул голову. Некоторое время он молча созерцал профиль Фан Юя, сосредоточенно следящего за дорогой, а затем негромко спросил:

— Ты всё ещё с Юньгэ?

Фан Юй на секунду скосил глаза в его сторону. В густом полумраке разглядеть выражение лица брата было невозможно.

— Да, — бесстрастно уронил он.

Когда Фан Цинь вышел у крыльца виллы, Фан Юй даже не заглушил мотор. Он лишь выставил ладонь в открытое окно, коротко махнул на прощание и, дождавшись, пока тонкая фигура скроется за дверями дома, развернул машину обратно к выезду.

«Всё ещё с Юньгэ?»

Всё ещё...

Уголок его рта пополз вверх в горькой усмешке.

Фан Цинь впервые проявил интерес к мужчинам, которые крутились возле него. А значит, он давно был в курсе отношений с Юньгэ.

Или же он знал гораздо больше, чем просто о его существовании?

<http://bllate.org/book/18325/1761862>